

✦ **Бесконечная вселенная** ✦
Бернара Вербера

Бернар
ВЕРБЕР

Танатонавты

Империя
ангелов

Москва
2024

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44
В31

Bernard Werber
LES THANATONAUTES

Copyright © Editions Albin Michel S.A. — Paris 1994
Published by arrangement with Lester Literary Agency & Associates

Перевод с французского *Игоря Судакевича*

Bernard Werber
L'EMPIRE DES ANGES

Copyright © Editions Albin Michel S.A. — Paris 2000
Published by arrangement with Lester Literary Agency & Associates

Перевод с французского *Аркадия Кабалкина*

Художественное оформление *Алексея Гаретова*

Вербер, Бернар.

В31 Танатонавты ; Империя ангелов / Бернар Вербер ; [перевод с французского И. Судакевича, А. Кабалкина]. — Москва : Эксмо, 2024. — 640 с.

ISBN 978-5-04-191409-7

Смерть. Точка невозврата, которая заставляет живых ощущать растерянность и страх. Оттуда еще никто не возвращался, и там, за гранью жизни, никто еще не бывал в качестве гостя. Однако с изобретением танатонавтики все меняется. Смелчаки Мишель Пинсон и Рауль Разорбак изобрели способ путешествовать по краю теней, а это повлекло за собой непредсказуемые последствия — ведь каждая конфессия желает доказать свою правоту и колонизировать загробный мир.

Мишелю и Раулю предстоит на практике познать все тонкости ангельского ремесла и разобраться в туманной небесной иерархии. Но они не были бы настоящими исследователями, если бы остановились на этом. Куда отправляются ангелы, исполнившие свое предназначение? Кто принимает решения выше ангельского мира? И что, если ответы на эти вопросы скрываются в других галактиках?

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-191409-7

© Судакевич И., перевод на русский язык, 2024
© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ТАНАТОНАВТЫ

СЛОВАРЬ

ТАНАТОНАВТ, сущ., м. р. (от греч. *thanatos*, «смерть», и *naútês*, «мореплаватель»). Разведчик смерти.

УЧЕБНИК ИСТОРИИ

ДАТЫ ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

1492 г.: Первые шаги на Американском континенте

1969 г.: Первые шаги на Луне

2062 г.: Первые шаги на континенте мертвых

2068 г.: Первые публикации о пути к реинкарнации

Из учебника для 2-го класса

ЭПОХА ПЕРВАЯ: МАСТЕРА НА ВСЕ РУКИ

1. УЧЕБНИК ИСТОРИИ

«Когда-то все люди боялись смерти. Словно постоянный шумовой фон, напоминала она о себе каждую секунду. Всякий знал, что в конце всех его деяний ждет неумолимое исчезновение. Это отравляло любую радость.

Вуди Аллен, американский философ конца XX века, так отразил царившие в ту эпоху настроения: “Пока человек смертен, он до конца не расслабится”».

*Учебник истории,
вводный курс для 2-го класса¹*

2. ЛИЧНЫЙ ДНЕВНИК МИШЕЛЯ ПИНСОНА

Есть ли у меня право об этом говорить?

Даже сейчас — а ведь сколько времени прошло! — мне трудно поверить, что все так и было. Мне трудно поверить, что я принял участие в столь грандиозной эпопее. Мне трудно поверить, что я выжил и могу о ней рассказать.

Похоже, никто не знал, что все произойдет так быстро и зайдет так далеко. Никто не знал.

Что нас толкнуло на этот идиотизм? Не знаю. Может, что-то от той глупости, которую называют «любопытство»? То самое любопытство, которое тянет нас заглянуть в пропасть, чтобы представить, каким жутким будет падение, стоит только сделать еще один шаг...

А может, все дело в потребности почувствовать вкус авантюры, вкус приключения в этом обленившемся и скучном мире?

Кое-кто говорит: так было предначертано, это должно было так случиться. Ну, не знаю, я не верю в предначертанную судьбу. Я верю, что у людей есть выбор. Именно он-то и определяет судьбу, а может статься, человеческий выбор определяет и саму Вселенную.

¹ Во Франции отсчет классов в школе идет в порядке, обратном нашему: выпускной класс — первый. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Я помню все, каждый эпизод, каждое слово, каждое событие этого великого приключения.

Есть ли у меня право обо всем вам рассказать?

Орел: я расскажу. Решка: сохраню в тайне.

Орел.

Что ж, если я должен отыскать истоки всех развернувшихся событий, мне придется заглянуть далеко, далеко назад, в свое собственное прошлое...

3. ПОЛИЦЕЙСКОЕ ДОСЬЕ

На запрос по поводу основных сведений

Фамилия: Пинсон

Имя: Мишель

Цвет волос: шатен

Глаза: карие

Рост: 1 метр 75 см

Особые приметы: нет

Примечание: пионер движения танатонавтов

Слабое место: недостает уверенности в себе

4. ДЛЯ ДЮПОНА НЕТ ПРЕПОНА

Как и у всех детей, у меня тоже имелся день «С», день открытия Смерти. Мой первый мертвец был вполне обычным человеком, хоть и привыкшим жить среди трупов. Это мсье Дюпон, наш мясник. На витрине огромными буквами красовался его девиз: «Для Дюпона нет препона». Однажды утром мать сообщила, что не смогла купить вырезку к завтрашнему воскресному обеду, потому как мсье Дюпон умер. Его задавила туша белой шаролейской говядины, которая неожиданно сорвалась с крюка.

Мне, кажется, было тогда годика четыре. Тут же я спросил у матери, что значит это слово: «У.М.Е.Р.».

Она остановилась в замешательстве, прямо как тогда, когда я поинтересовался, не вылечат ли противозачаточные пилюли мой кашель.

Мать опустила глаза.

— Ну... э-э... «умер» — это значит: его здесь больше нет.

— Это как из комнаты уйти?

— Не только из комнаты. Это значит также уйти из дома, города, страны.

— Ага, далекое путешествие? Как бы на каникулы?

— Э-э... нет, не совсем так. Потому что, когда человек умирает, он больше не двигается.

— Не двигается, но далеко уезжает? Обалдеть! Как такое возможно?

Пожалуй, как раз эта неудачная попытка объяснить кончину мясника Дюпона и оставила во мне почву для любопытства, на которой — гораздо позднее — Рауль Разорбак смог высадить ростки своих фантазмагорий.

По крайней мере, мне так кажется.

Три месяца спустя, когда сообщили, что моя прабабушка Аглая умерла, то я, как рассказывают, воскликнул: «И она тоже?! Ничего себе, никогда не думал, что она на это способна!» Рассвирепевший, дико вращающий глазами прадедушка выкрикнул фразу, которую я никогда не забуду:

— Да ты что, не знаешь, что *смерть — это самое страшное, что только может случиться!*

Нет. Этого я не знал.

— Ну... я думал, что... — стал мямлить я.

— *С такими вещами не шутят!* — добавил он, чтоб вогнать гвоздь поглубже. — Если есть на свете вещь, с которой никто не шутит, так это смерть!

Потом эстафетную палочку принял папаша. Все они хотели мне втолковать, что смерть — это абсолютное табу. О ней не говорят, о ней не вспоминают, а если и произносят ее имя, то только со страхом и почтением. И в любом случае нельзя упоминать это слово всуе, потому как, дескать, это приносит несчастье.

Меня трясли и пихали.

— Твоя прабабушка Аглая умерла. Это ужасно. Если б ты не был таким бессердечным... ты бы рыдал!

Тут надо сказать, что к рассвету из моего братца Конрада натекло, как из половой тряпки, если ее выжать.

Ага, когда люди умирают, нужно плакать? Мне никто ничего не говорил. А если о кое-каких вещах не принято упоминать, то могли бы и предупредить, что ли.

Чтобы помочь мне заплакать, отец, раздраженный такой несовершеннолетней наглостью, подарил, среди прочего, пару оплеух. С их помощью он надеялся, что я запомню, во-первых, что «смерть — это самое страшное, что только может случиться», и во-вторых, что «с такими вещами не шутят».

— Ты почему не плачешь? — опять стал приставать отец, вернувшись с похорон прабабушки Аглаи.

— Оставь его в покое, Мишелю пяти еще нет, он даже не знает, что такое смерть, — попыталась заступиться мать.

— Он отлично знает, он только думает, что для него смерть других неважна. Слушай, когда мы с тобой умрем, он и слезинки не проронит!

Вот так я начал всерьез понимать, что со смертью не шутят. Впоследствии, когда мне сообщали о чьей-то кончине, я изо всех сил старался думать о чем-нибудь печальном... о стеблях вареного шпината, например. Слезы появлялись сами собой, и все были довольны.

Потом у меня состоялся более прямой контакт со смертью. В смысле, когда мне было семь лет от роду, я сам умер. Это событие произошло в феврале, в ясный чистый день. Надо сказать, что перед этим у нас был очень мягкий январь, а часто, знаете, бывает, что за мягким январем идет солнечный февраль.

5. ГДЕ ГЕРОЙ В КОНЦЕ УМИРАЕТ

- *Осторожно!*
- Да что ж он...
- Господи!
- Смотри! Куда ты бе...
- Не-е-т!!!

Долгий скрип тормозов. Глухой и мягкий звук удара. Я бегу за своим мячом, который выкатился на шоссе, и бампер зеленой спортивной машины подрезает меня точно под коленками, где самая нежная кожа. Ноги отрываются от земли. Меня катапультирует в небо.

Воздух свистит в ушах. Я лечу поверх солнца. Свежий ветер врывается в мой распахнутый рот. С земли, далеко внизу, на меня уставились испуганные зеваки.

Кричит какая-то женщина, завидев, что я взмываю ввысь. Кровь сбегает с моих штанов и собирается в лужу на асфальте.

Все происходит, как в замедленной съемке. Я лечу на уровне крыш и разглядываю силуэты, снующие в мансардах. И тут впервые в моей голове проскакивает вопрос, над которым я так часто потом думал: «Чем это я тут занимаюсь?»

Да, в это мгновенье, подвешенный в небе на долю секунды, я понял, что ничего не понимал.

Кто я?

Откуда я?

И куда?

Извечные вопросы. Каждый их себе когда-то задает. Что до меня, я их себе задал в минуту собственной же смерти.

Я взлетел очень быстро и столь же быстро упал. Ударился плечом о капот зеленой спортивной машины. Отскочил и врезался головой в бордюрный камень. Треск. Глухой удар. Надо мной склонились перепуганные лица.

Я захотел что-то сказать, но не смог ничего сделать — ни заговорить, ни пошевелиться. Солнечный свет начал медленно угасать. Впрочем, в феврале солнце все равно еще несильное. Чувствовалось, что мартовские дожди не за горами. Небо постепенно гасло. Вскоре я оказался в темноте, тишине. Потом исчез запах, потом осязание, потом — ничего. Занавес.

Мне было семь. И я умер в первый раз.

6. РЕКЛАМА

«Жизнь прекрасна. Не слушайте болтунов. Жизнь прекрасна. Жизнь — это продукт, проверенный и одобренный шестьюдесятью шестью миллиардами человек на протяжении трех миллионов лет. Вот вам доказательство ее несравненного качества».

*Обращение НАПрЖ,
Национального агентства по пропаганде жизни*

7. УЧЕБНИК ИСТОРИИ

«До появления танатонавтов смерть считалась одним из принципиальных табу человечества. Чтобы лучше бороться с таким имиджем, люди прибегали к ментальным приемам, которые мы квалифицируем как „предрассудки“. К примеру, некоторые полагали, что металлическая фигурка св. Христофора, подвешенная над приборной доской автомобиля, позволяет избежать гибели в ДТП.

До XXI столетия бытовала такая шутка: „Чем крупнее св. Христофор, тем больше у водителя шансов из-под него выбраться при аварии“».

*Учебник истории,
вводный курс для 2-го класса*

8. ГДЕ ГЕРОЙ МЕРТВ МЕНЬШЕ,
ЧЕМ МОЖНО БЫЛО ПОДУМАТЬ

Да подождите вы. Ничего такого ужасного не случилось.

Прадедушка был не прав. Умереть — это не так уж и страшно. Просто ничего не происходит, вот и все.

Тьма и тишина длились очень долго.

Наконец я открыл глаза. В дымчатом обрамлении света появился изящный силуэт. Ангел, ясное дело.

Ангел склонился надо мной. Как ни странно, этот ангел напоминал женщину, но она была такой прекрасной, каких вы никогда на земле не увидите. Блондинка, с карими глазами.

Абрикосовый запах ее духов.

Вокруг нас все было белое и торжественное.

Должно быть, я оказался в раю, потому что ангел мне улыбнулся.

— Ак... ы.. бя.. ю... те.

Ангел, надо полагать, говорил со мной на их языке. Ангельский жаргон непостижим для неангелов.

— У... ас... ет... атуры.

Она терпеливо повторила этот псалом и коснулась моих волос своей сладкой и прохладной рукой.

— У вас... нет... температуры.

Я недоуменно огляделся вокруг.

— Ну как? Вы меня понимаете? У вас нет температуры.

— Где я? В раю?

— Нет. В реанимационном отделении больницы Сен-Луи.

Ангел стал меня успокаивать.

— Вы не умерли. Просто несколько ушибов. Вам повезло, что капот машины самортизировал падение. Только одна приличная рана под коленкой.

— Я был без сознания?

— Да, три часа.

Я был без сознания три часа и ничего об этом не помнил! Ни малейшей мысли или ощущения. Три часа ничего не было.

Медсестра подложила мне под спину подушку, чтобы я смог сесть поудобнее. Может, я и был мертв три часа подряд, но мне не было ни жарко, ни холодно.

Но, с другой стороны, вот от чего у меня дико разболелась голова, так это от появления моей семейки. Они были все такие ласковые и слезливые, будто я и впрямь лежал при последнем издыхании. Народ был убежден, что я в большой опасности. «Мы страшно волновались», — возбужденно вталкивали они. У меня было такое чувство, что родственнички как-то даже немного досадовали, что я выкарабкался. Вот если б я умер, они бы меня еще больше жалели. Одним махом я приобрел бы все мыслимые добродетели.

9. ПОЛИЦЕЙСКОЕ ДОСЬЕ

На запрос по поводу психических характеристик гражданина Мишеля Пинсона

Объект в целом выглядит нормальным. Вместе с тем наблюдается определенная психическая хрупкость, обусловленная очень строгой обстановкой в доме. Объект живет постоянно в сомнении. Для него всегда прав тот, кто высказывается последним. Игнорирует свои желания. Не понимает современности. Имеют место легкие параноидальные тенденции.

Для сведения: родители сочли правильным не сообщать означенному лицу, что он был усыновлен в младенчестве.

10. СТЕРВЯТНИК

Эта первая экскурсия из жизни не научила меня ничему особенному о смерти, если не считать, что она еще долго была источником беспокойства для нашей семьи.

Затем, к восьми-девяти годам эта тема стала интересовать меня больше, но на этот раз речь шла о смерти других. Надо пояснить, что хочешь не хочешь, а каждый вечер по телевизору, в двадцатичасовом блоке новостей, говорили про смерть. Сначала про убитых на какой-нибудь войне. Они носили зеленые или красные мундиры. Потом шли те, кто умер по дороге на курорт: пестрые, кричащие одежды. И наконец, покойники-знаменитости: в блестящих костюмах.

В телевизоре все проще, чем в жизни. Сразу понятно, что смерть — вещь печальная, потому что картинки сопровождалась похоронной музыкой. Телевидение — это доступно даже младенцам и дебилам. Убитые на войне имели право на симфонию Бетховена, курортники — на концерт Вивальди, а умершие от передозировки звезды — на тягучие виолончели Моцарта.

Я не преминул про себя отметить, что с кончиной таких звезд продажа их дисков тут же подсакивала, их фильмы вновь и вновь мелькали на телеэкра-

нах, а весь свет на все лады расхваливал покойников. Будто смерть стирала все их прегрешения. Более того: уход из жизни не мешал артистам работать. Лучшие диски Джона Леннона, Джимми Хендрикса или Джима Моррисона появились на рынке намного позже их смерти.

Мои следующие по счету похороны были связаны с дядей Норбером. «Замечательный человек», — убеждали друг друга участники похоронного кортежа. Между прочим, там же я впервые услышал знаменитое высказывание: «Лучшие всегда уходят первыми». Мне не было еще восьми, но я никак не мог избавиться от мысли: «Что ж такое получается, вокруг остались одни плохие?!»

На этих похоронах я выглядел безупречно. После ухода почетного караула я сосредоточился на вареном шпинате. Еще лучше удалось занять после добавки анчоусов. Даже братец Конрад и тот не смог достичь высот моей слезливой скорби.

Прибыв на кладбище Пер-Лашез, я добавил в меню своих слез спаржу и телячьи мозги с горошком. Во тошниловка-то! В небольшой толпе кто-то прошептал: «А я и не знал, что Мишель был так близок с дядей Норбером». Мать заметила, что это тем более поразительно, поскольку я, честно говоря, никогда его и не видел. Это не помешало мне открыть рецепт успешных похорон: шпинат, анчоусы, спаржа и телячьи мозги.

Всем замечательный день, потому как я, помимо всего прочего, в этот раз впервые встретился с Раулем Разорбаком.

Мы собрались перед могилой моего покойного дядюшки Норбера, и тут я чуть в стороне от нас заметил нечто, показавшееся мне сначала стервятником, сидящим над гробницей. К хищной птице, впрочем, оно не имело отношения. Это был Рауль.

Воспользовавшись моментом, когда за мной никто не следил — в конце концов, свою норму слез я отработал, — я приблизился к мрачному силуэту. Нечто долговязое одиноко сидело на могильном камне, упершись взглядом в небо.

— Бонжур, — вежливо произнес я. — А что вы здесь делаете?

Молчание. Вблизи стервятник выглядел похожим на мальчишку. Худой, с изнуренным лицом, чьи скулы подпирали очки в черепаховой оправе. Узкие, рафинированные руки лежали на коленях, словно два притихших паука, ожидающих приказа своего повелителя. Мальчишка опустил голову и посмотрел на меня спокойным и глубоким взглядом, который мне никогда не встречался среди ровесников.

Я повторил свой вопрос:

— Ну так что же вы тут делаете?

Рука-паук взметнулась вдоль пальто и уткнулась в длинный и прямой нос.

— Можешь на «ты», — торжественно объявил он.

И затем пояснил:

— Сижу вот на могиле своего отца. Пытаюсь понять, что он мне говорит.

Я расхохотался. Он немного поколебался, а потом сам стал смеяться. А что еще остается делать, кроме как смеяться над тощим мальчишкой, часами сидящим на могильном камне и глазающем на вереницы облаков?